

Этот день с утра ничем не отличался от других и не предвещал никаких неожиданностей. Рита так же неохотно проснулась, так же, еще полусонная, сварила и выпила кофе, медленно вывела машину. Все было как всегда. Хотя разве может быть все как всегда, если у тебя такая непредсказуемая шестнадцатилетняя дочь, как ее Вика? Рите иногда казалось, что дочь уже сейчас умнее и сообразительнее ее во сто раз, а уж если сравнить с тем, какой Рита сама была в ее возрасте, — вообще небо и земля! Время, что ли, пришло такое? Хотя время всегда другое, но в свои шестнадцать она не смела вести себя с мамой так, как Вика, — на равных. Она всегда помнила, что родители старше, а значит, умнее. А вот дочь ее, судя по всему, так не считает. Или считает, но виду не подает?

Вот вчера, например. Заявилась в третьем часу ночи. Да, она позвонила. Да, у Кати был день рождения. Да, все вместе они были в ночном клубе. Но почему надо сидеть там до двух часов? И вообще, почему если день рождения — то обязательно ночной клуб? Они с Борисом не спали, волновались. Теперь дочь отсыпается, а они, как лунатики, плетутся на работу на черепашьей скорости: не дай бог врезаться куда-нибудь спросонок.

И никаких извинений, наоборот масса претензий: дескать, они мешают ей жить, только у нее такие отсталые родители, и одевается она хуже других, и гуляет меньше, и вообще их не интересуют проблемы дочери!

Естественно, после таких высказываний Рита еще долго не могла уснуть, поражаясь неблагодарности дочери. Это ей-то нечего надеть? Да у Видульки барахла в пять раз больше, чем у них с мужем! Третье лето в Болгарию отдыхать ездит! Ну, ограничивают они ее прогулки. А как иначе? Ведь с такой бурной личной жизнью ей вообще учиться некогда — друзья с утра до вечера называются. И учатся вместе, и гуляют, и в гости друг к другу ходят. Но только придут домой, сразу за телефон, словно не пять минут назад расстались. На общение с родной матерью почти не остается времени. Когда думаешь об этом, начинаешь чувствовать себя эдаким древним ископаемым, в то время когда тебе всего тридцать семь и в полутемном кафе с тобой еще заигрывают старшеклассники. Хотя в полутьме нынешние обкуренные подростки и к бабке семидесятилетней клеиться могут. Тоже мне достижение!

Обуреваемая такими невеселыми мыслями, она припарковалась и вошла в здание своего офиса. Ровно в девять ноль-ноль она была на месте. Ее директор не терпел утренних опозданий. Потом можно уйти хоть на весь день, но в девять нужно как штык быть на месте. Ну и конечно, выполнить всю работу — разные отлучки в течение дня, как и уход с работы раньше времени, не волновали его. Так, вероятно, он сочетал демократичность с дисциплинированностью. Рита иногда думала, что лучше бы он фиксировал ее уход, а утром давал немного поспать. Это очень подошло бы ей как матери поздно приходящего домой подростка. Но заведенный порядок оставался неизменным, а потому выбора — вставать или не вставать — не было.

До двенадцати она выпила три чашки кофе и вроде бы пришла в рабочую форму. Перед обедом позвонил Борис и довольным голосом сообщил, что вечером у них будет гость. Раз такой довольный, значит, кто-то из мужчин,

решила Рита. Приезду тещи или подруге жены так не радуются.

— Ты не спрашиваешь кто? — поинтересовался Боря.

— Думаю, сам скажешь. Наверное, кто-то из старых друзей.

— Еще каких старых! Мы сто лет не виделись!

— Что ж, я рада, — рассеянно ответила Рита, продолжая одной рукой набирать текст на компьютере. Она не любила, когда Борис мусолил обычные вещи. Ну, приезжает там кто-то, зачем наводить, как говорили в одном фильме, тень на лунный день?

— Ты еще не так обрадуешься, когда узнаешь, кто это.

— И кто же это? Я его знаю?

— Да.

— Ну...

— Что «ну»?

— Ну, кто?

— Угадай!

— Делать нечего! Ты можешь там резвиться, но вообще-то я работаю, как ни странно. Так что или говори нормально, или...

— Подумаешь! Уже и пошутить нельзя! Я просто хотел тебя развеселить...

— Тебе удалось.

— Ритка, не злись.

— Я не злюсь, Боря. Просто я действительно занята.

— Все-все, заканчиваю. Прилетает Макс. Я отпрошусь с работы, встречу его. У нас будем часиков в шесть. Ты уже вернешься?

— Скорее всего, нет. Работы много...

— Ну, тогда заеду в супермаркет, куплю там курицу, салатиков. Пока.

— Пока.

Нельзя сказать, что ее взволновало это известие, скорее озадачило. Макс был их общим другом. Общим не в том смысле, что они дружили втроем, а в том, что сначала Рита дружила с ним, а потом через него познакомилась с Борькой. Борис с Максом были одноклассниками, а Рита училась с Максом в одном институте. Они были на разных курсах и даже занимались в разных зданиях, а познакомились на дискотеке. С Максом у них был бурный роман, но потом они расстались. Он окончил институт и уехал. А они с Борисом стали встречаться и вскоре поженились.

Рита давно ничего не слышала о Максе, знала только, что он живет и работает за границей. Рита отнеслась к этому факту, как люди относятся к своему прошлому, — возможно, с некоторым сожалением, но с ощущением обыденности. Ну, было и было, что ж теперь! Ее пока никто не вынуждал видеться с Максом, в которого, если признаться, она была когда-то влюблена. И ее брак с Борисом, наверное, и состоялся так быстро потому, что она пыталась заполнить пустоту в сердце после расставания с ним.

Рита вздохнула. Боря, понятное дело, ни о чем не догадывается, иначе вряд ли стал с такой радостью сообщать о его приезде. Он знает, что когда-то Рита дружила с ним, да и только. Макс, наверное, ничего ему не рассказывал, и она, естественно, тоже. Для нее это вообще была больная тема. И вот — сегодня он приезжает.

Сколько же они не виделись? Ей было девятнадцать, ему — двадцать два. Прошло почти восемнадцать лет. Интересно, каким он стал? Лысым? Толстым? Седым? Хотя почему лысым, толстым и седым? Может, он, как и Борис, в хорошей форме. А она?

Рита вытащила пудреницу и стала внимательно изучать свое лицо. Легкие морщинки в уголках глаз, ничего не по-

пишешь, возраст. Волосы такие же густые, кожа по-прежнему чистая, и ямочка на правой щеке, когда она улыбается. Макс любил целовать эту ямочку и называл ее «тайной Вселенной». Так и говорил: «Эта ямочка — тайна Вселенной». Макс был очень хорош собой: высокий широкоплечий брюнет со светло-серыми глазами. В него было влюблено пол-института, а он непонятно почему предпочел ее... А потом, тоже непонятно почему, оставил. Уехал без объяснений. Пропал — и все! Можно сказать, бросил. Именно таковой она себя и ощущала. Хотя виду не подавала, словно прекрасно знала, почему он исчез и куда делся. Во всяком случае, ей удавалось держаться так, что никто не догадывался об истинном положении вещей. Но она-то знала — он бросил ее. Совершенно неожиданно, на самом пике отношений. Как выстрел на взлете, как вода на вдохе — пропало дыхание, перекрыт кислород. Спасайся как можешь! Будь это мимолетная связь, «привет-пока», тогда еще ладно. Но ведь у них все было, по-настоящему было!

Раньше Борис через свою маму, живущую в одном дворе с родителями Макса, передавал ему приветы, так что тот что-то знал об их жизни. Но пару лет назад его старики переехали к старшему сыну, куда-то на Волгу, и после этого они не имели о нем никаких известий. И вдруг — такое!

Рита спрятала пудреницу. Честно сказать, она не хотела с ним встречаться. Раньше — да, хотела, даже втайне мечтала об этом. Несколько лет жила надеждой, что он помнит и тоже любит ее. Потом надежда померкла, а обида притупилась. Раз так легко уехал, значит, она для него ничего не значила. И нечего тут переживать. А теперь — если едет к ним в дом, скорее всего, она для него — жена одноклассника, и не больше. Ну и слава богу! Так к нему и нужно относиться. На стол подаст — и сразу уйдет спать.

Собственно, почему она должна подавать им на стол? Она на работе. Придет поздно, присядет на минуточку, сошлется на усталость и — в спальню. Хотя она собиралась как раз прийти пораньше, поговорить с Викуськой, постирать, приготовить ужин, а теперь что? Специально сидеть на работе? Все равно встречи не избежать. Значит, нужно встретить его спокойно.

Она вернулась домой не позже, чем обычно. Борис с Максом уже сидели в кухне, но ужинать еще не начинали.

— О, наша мама пришла, — обрадовался Боря.

Похоже, они все же успели выпить за встречу.

— Здравствуй, Рита.

— Здравствуй, Максим.

Он чуть прикоснулся губами к ее щеке.

— Хорошо, Ритуля, что ты так быстро пришла. Нам без тебя и ужинать не хотелось.

— Скажи лучше, что лень было на стол накрывать, — улыбнулась она мужу. Его искренняя радость передалась и ей. Борис — хороший человек, он рад встретить старого друга, и дурные мысли его не одолевают. Просто рад гостью и все!

— Ну а коньячка вы все же успели хлебнуть. — На столе красовалась початая бутылка «Хеннесси» с кое-как нарезанным лимоном.

— Ну, святое дело! Давай и ты с нами. За встречу!

Коньяк был теплым, крепким и ароматным. После него все уже казалось другим. Рита выложила на тарелки принесенные из супермаркета продукты, что-то разогрела в микроволновке, и рюмки вновь наполнились коньяком.

— Эй, ребята! Не торопитесь. Сейчас напьемся за десять минут и будем втроем мордами в салате лежать, — смеялась Рита.

— Ну так что ж, — хохотал Борька, — не каждый день старые друзья заморские приезжают. Эх ты, гад! Что же раз за двадцать лет приехал?

Макс помалкивал. Улыбался, кивал, слушал, а сам говорил мало.

Он возмужал, раздался в плечах и вообще стал шире. Рита помнила его по-юношески стройным и очень высоким. Оказалось, он не выше Бориса, но покрепче его. Покрупнел, как говорят, заматерел. Не лысый, не седой и не толстый. Сравнивая его с тем прежним, когда-то горячо любимым ею Максом, она нашла его подурневшим. Борька выглядит лучше, подумалось ей. Борис раньше был худым и как-то несуразно сутулился, скорее всего, от стеснения. С возрастом он изменился в лучшую сторону: не худой и не полный, одевается со вкусом, приобрел ту полную достоинства уверенность, которая отличает человека состоявшегося. А Макс, несмотря на свой вполне респектабельный вид, казался озадаченным, даже каким-то неприкаянным. Он немногословно отвечал на вопросы и старался не встречаться с Ритой глазами. Из путаного мужского разговора обо всем сразу: о бизнесе, политике, личной жизни — она поняла немного. Макс жил в Германии, был женат на немке, интеллигентной женщине, которая была старше его и преподавала в университете. У нее есть дочь, ровесница Вкусыки, было собственное дело, но теперь он решил открыть свой бизнес здесь, в родном городе.

— Ты где жить будешь? — допытывался пьяный Борис.

— Пока сниму квартиру. Потом куплю.

— Нет. Не вздумай ничего снимать. У нас будешь жить.

— Посмотрим, Боб, посмотрим.

— Я настаиваю! Жить у нас! У нас три комнаты. Места полно. Скажи ему, Марго!